

САБИТ АЛИЕВ

РАССКАЗЫ

Сабит Алиев

Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39428225

ISBN 978-5-4493-7451-6

Аннотация

Из восьми рассказов три изданы Союзом российских профессиональных литераторов: «Пионы», «Последний день», «Мартовская оттепель».

Рассказы

Сабит Алиев

© Сабит Алиев, 2018

ISBN 978-5-4493-7451-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пионы

Это случилось прошлым летом. Я не так давно написал свой первый рассказ, который был опубликован в местном журнале. Теперь я мечтал о серии коротких историй и искал сюжеты для них. Мой редактор посоветовал поговорить с одной дамой. Я, конечно, совершенно не представлял о чём, но нашёл её представителя, и мы назначили встречу в маленьком уютном кафе с видом на набережную.

Закончив ночную смену, в мрачном настроении, переживая, что у меня ничего не получится, я направился на свидание с незнакомкой.

Холодное небо висело над головой. Пронизывающий ветер дул с моря, к берегу усиливаясь и царапая кожу, словно наждачная бумага. Крупная белокурая чайка с блестящими янтарными глазами ходила по берегу. В воздухе пахло морской солью. Я ускорил шаги и поднялся по крутой дороге

в гору.

Я пришёл в кафе раньше назначенного времени. Здесь стояла абсолютная тишина: посетителей не было. Я заказал себе чай и с жадностью сделал несколько обжигающих глотков. Затем, будто охваченный ознобом, начал потирать руки над горячей чашкой.

Минуту спустя к моему столику подошла женщина сорока лет. Её смущение скрашивала детская улыбка, серо-зелёные глаза приветливо смотрели на меня.. Щёки горели ярким румянцем, словно она смазала их вишнёвым соком. Под голубым, тонкого шёлка платьем угадывались маленькие крепкие груди. Шею украшало нежно-розовое коралловое ожерелье.

Я встал ей навстречу. Она протянула мне тонкое запястье руки. Я предложил стул. Она поблагодарила, села. и, чуть помолчав, спросила:

– Вы курите?

– Нет... – как бы извиняясь, ответил я.

– Вы не против, если я закурю?

В ее мелодичном голосе слышались высокие нотки. Не забываясь о моем согласии, она, шурясь, пытливо посмотрела на меня. Заметив, что наш стол для некурящих, поднялась с места, пересекла пустой зал и вернулась с пепельницей. Затем, закулив сигарету, выпустила тонкую струю дыма.

Хозяин кафе подошёл к нам, чтобы принять заказ. Это был худощавый человек, лет пятидесяти, с слегка вьющими-

ся седыми волосами на висках. У него было красивое удлинённое лицо с глубокими чёрными глазами. Он мельком глянул на нас и широко улыбнулся.

– Есть что-нибудь выпить? – спросила она.

– Лимонад, кофе. Чай.

– Выпить, я имела в виду... – она сделала ударение на слове «выпить».

– Вино, – последовал поспешный ответ, – местное, очень вкусное.

– Бокал красного сухого вина и кофе.

Хозяин слегка поклонился даме и ушёл.

В наступившей тишине был слышен шум волн. Немного помолчав, она заметила:

– Ах да, мы с вами все ещё не знакомы. Меня зовут Ирина.

– Очень приятно, Ян.

Я не успел задать вопрос, как она сразу же начала вводить меня в курс дела.

– Меня оповестили, что Вы – начинающий писатель, – сказала она покашливая. – История, которую я собираюсь рассказать, никому не известна. Буду краткой. И ещё: мне обещали полную конфиденциальность...

– Безусловно, – заверил я.

Нам принесли вино и кофе. Тяжело вздохнув, она загасила окурок и начала свой рассказ.

– Я была тогда уже далеко не юной особой, но решилась учиться живописи. У меня всегда была страсть к искусству.

Я бросила всё, уехала из лучезарной Ялты, продала дом и поселилась в суетливой Москве, где обосновалась в Басманном районе. Нашла художника, у которого начала брать уроки живописи. Днём я рисовала, а всё свободное время проводила в музеях, библиотеках, театрах или просто гуляла по городу. У меня не было близких знакомых и друзей. Да я и не стремилась ими обзаводиться, стараясь как можно больше набрать столичных впечатлений.

Но вот однажды проходя мимо цветочного магазина, я уставилась в витрину. Чего там только не было: розы, тюльпаны, полевые цветы, но мой взгляд остановили пионы. Как они были прекрасны! Даже сквозь стекло я чувствовала тонкий нежный аромат. Запах притягивал, томил, волновал... Вот так, наверное, должно благоухать счастье, думала я.

И вдруг ко мне подошёл мужчина средних лет. В руках он держал букет тех самых нежно-розовых пионов, молча вручил его мне, потянул на себя бронзовую ручку высокой тяжелой двери рядом стоящего здания и не спеша вошёл.

Я долго находилась в оцепенении от неожиданности, сжимая цветы в руке и наслаждаясь их пьянящим ароматом. Придя в себя, огляделась в поисках человека, сделавшего подарок. Но вокруг никого не было. Почему вы улыбаетесь?

– Видите ли, однажды в галерее я увидел картину, где женщина стояла перед цветочным магазином, – ответил я.

– Картины рисует жизнь.

Я кивнул, ожидая продолжения рассказа.

– С того дня я ходила по этой улице домой и останавливалась перед цветочным магазином, а незнакомец каждый день, молча вручал мне букет пионов. Меня завораживал этот сказочный сюжет, как и сам герой: сильные руки, крупное лицо, белозубая улыбка. И однажды после традиционного подарка крикнула вдогонку: «Стойте!». Так началась моя любовь.

Его отличал южный акцент, хотя говорил он очень мало, только по делу.

Мы стали жить вместе. На пятом этаже, стараясь быть ближе к небу. Боже мой, с какой скоростью я пробегала все эти восемьдесят ступенек! Какое удовольствие – прильнуть к нему, ощущая тепло! Любила, когда он обхватывал громадной рукой мои хрупкие плечи. Его запах был особенным, притягательным, волнующим. Обнимая, он говорил, что никогда не бросит меня, и я верила этому обещанию. Я наслаждалась мелодией его речи.

Она надолго замолчала, словно вслушиваясь в дорогой голос, все ещё звучащий в ее памяти. Извлекла из сумки фотографию и держала её так, чтобы я смог разглядеть изображение.

Его бритая голова выглядела утверждением силы, загорелая кожа на большом черепе была натянута гладко и туго, как наполненный ветром парус. Большое лицо, волевой подбородок, четко очерченный рот, жесткий взгляд из-под густых бровей. Я долго и пристально всматривался в этот портрет,

пытаясь понять: правда ли этот грубый широкоплечий мужчина с холодными глазами способен на нежные чувства?! Видимо, мне не удалось скрыть сомнение.

– Очевидно, Вы думаете, – догадалась она, – как такой грубо вытесанный природой мужчина может любить?

– Вы прочли мои мысли.

– Видите ли, я не знаю, были его чувства искренни. Хотя сейчас это совсем не важно. – Сделав непонятное движение рукой, продолжала она. – Быть может, он любил меня как-то по-своему. Но он приучил меня к мужской заботе, которая стала гарантом безоблачного будущего. Был внимателен, и рядом с ним я чувствовала себя настоящей женщиной. Прежде я привыкла полагаться только на себя, а с ним мы были одним существом, несмотря на абсолютную разность. Он не верил, что каждая вещь сама обретет своё место, а я убеждена в этом. Он не любил хаос, а я не мыслю свою жизнь вне его. Что может быть прекраснее творческого беспорядка?! Он не был эмоциональным, я, наоборот, вспыльчивая и импульсивная. Его присутствие рядом, постоянно подрывало основы моего образа жизни и меняло мои привычки. И ещё, – она подняла лицо и с усилием улыбнулась, – ведь любовь – это поступки, а не красивые слова. Несмотря на то, что любовь бессмысленна, она придаёт ценность всему остальному. Мое существование наполнилось смыслом. Любовь к нему, словно гвоздь, вбила меня в жизнь.

Бокал вина дрожал в ее руке: счастливые воспоминания

она была не в силах скрывать. Моя собеседница опустила веки и погрузилась в длительное молчание, которого я не смел прервать, искренне сочувствуя ей. «Нам причиняют настоящую боль только очень близкие люди», – подумал я.

Пригубив немного вина, она продолжала.

– Моя жизнь наполнилась множеством головокружительных, грандиозных планов, – улыбалась она. – Я отчётливо представляла распорядок нашей жизни, устройство дома, расположение комнат. Я поставила в спальне большую вазу с пионами – вечным символом нашей встречи. Я живо представляла наших друзей, его занятия архитектурой, мои – живописью. И, в конце концов, надеялась я, переедем жить в солнечную Ялту.

Однажды ночью, мы долго не могли уснуть, бурно обсуждая будущее. Я упорно отстаивала своё мнение и убеждала его, что он ничего не понимает в совместном проживании мужчины и женщины.

И лишь позже поняла, что задела его за живое, быть может, темнота позволила быть дерзкой и упрямой. Однако выслушав меня, он сказал, что не допустит унижения. Он произнес эти слова негромко и твёрдо, будто обрубил канат.

Эта ночь изменила нас. Понимая, что очень обидела его, надеялась на примирение.

Вскоре из Ялты пришло письмо от тети. Она болела, и я поехала дня на три навестить ее. Возвратившись, нашла квартиру пустой. Дома царили пустота и безнадёжность. Я

дождалась ночи в надежде, что он вернётся. Это была самая длинная и мучительная ночь в моей жизни. Утром я оделась и пошла его искать. Нашла то здание с массивными дверями возле цветочного магазина – «Районное архитектурное управление». Долго ходила по разным кабинетам, пока не узнала, что он уволился. И, где находится, никто не знал. Моя жизнь превратилась в сущий ад. В одночасье все стало бессмысленным.

Я была потрясена его поступком, хотя отлично осознавала свою вину.

В ее голосе слышалась досада. Лицо побледнело, а глаза наполнились слезами. Прикусив губу, она взяла серебряную ложку и задумчиво постукивала по чашке из молочно-белого фарфора.

В первое время после расставания я жила, отказываясь принимать изменения, и воображала, что он рядом. Со временем победила реальность. Вы меня понимаете?

Не зная, что ответить, я молча кивнул в знак согласия.

– Мою боль трудно понять, – сказала она и залпом осушила свой бокал. – Вот так закончилась моя сказочная история. Я вернулась в Ялту. Живу у старенькой моей тётушки. Преподаю в школе рисование. Мне нелегко, потому что жить по-старому невозможно, а по—новому – надо учиться всему заново.

Женщина встала, поправила упавшую со лба золотистую прядь волос, слегка наклонила ко мне голову и направилась

к выходу.

Допив остывший чай, я вышел. И медленно брёл по берегу моря. Солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Размышляя о судьбе этой милой женщины, всматривался в безбрежную голубую даль. В лицо мне дул легкий освежающий бриз. Казалось, веет тонким нежным ароматов...

Письма подруг

Милая Лейла! Пишу тебе, дорогой моей подруге, с которой прошло мое детство и которой хочется открыть свою душу в надежде, что ты меня поймёшь. А когда человека понимают, то ему легче жить на свете.

Бывает, утром встаю, и мне невыносимо грустно. Нет, все вроде по-прежнему, в моей жизни давно ничего не меняется. Знакомую музыка, звучащая по радио, отправляет меня в прошлое, и я плачу, понимая, что это не грусть постучала в дверь, а воспоминания...

Мне становится очень зябко. Не существует такой одежды, которая могла бы согреть меня. Этот холод идёт изнутри.

Поток воспоминаний, неумолимый и беспощадный как цунами, накрывает меня. Я сворачиваюсь комочком, в течение нескольких часов дрожу, как в лихорадке, ничего не замечая вокруг.

Успокоившись, завариваю себе кофе, усаживаюсь у камина в удобном кресле. За долгие годы оно уже приобрело форму моего тела. Думаю о том, как жизнь коротка и жестока.

О катастрофических поворотных моментах, которые могут в один миг уничтожить наш привычный мир, изменив его до неузнаваемости. Что происходит с женщинами, когда муж объявляет об уходе к другой? Когда врач сообщает о злокачественной опухоли родного тебе человека? Когда ты похоронишь родителей?

Я долго смотрю на пламя, и прошлое возникает так ясно, будто это было вчера. Мне часто представляется, что я всё ещё девочка. В такие моменты даже сердце стучит по-другому. О, как живы воспоминания...

Мои густые волосы, чёрная коса, сильное тело, красивое лицо.

Ты же знаешь, подруга моя, я родилась в религиозной семье. Родители, когда молились Аллаху, меня тоже заставляли делать намаз, а я сопротивлялась, как могла. У религиозных людей нет свободы, они выбрали другой путь.

Я часто пряталась в шкафу, не желая показываться на глаза родителям. В своей комнате мне было тоже неудобно: казалось, что я мешаю родителям.

Единственное место, где можно было укрыться, – это мой шкаф в комнате. В полной темноте возникало ощущение, будто чувства мои обостряются до предела. Продолжая оставаться собой, отстраненная от мира, я давала волю фантазии, рисуя в голове разные образы. Чего только не воображала. Мои миражи не имели ничего схожего с реальной жизнью, и это вызывало у много вопросов, с которыми не к кому бы-

ло обратиться.

И вот настало время, когда отец решил выдать меня замуж. Я же предпочитала смерть, но не брак без любви. Я должна была жить по воле чужого мне человека, отказавшись от своих мечтаний.

– Это твоя судьба, – сказала мне мать, – все мы, женщины ислама, приняли её. Судьбу свою каждый человек должен принимать достойно.

Я бунтовала, рыдала, вопила, целыми днями молчала, отказалась от еды. Не помогло. Потом подумала о побеге из дома. Не смогла. Отказаться от родителей – навлечь позор на всю семью. И с другой стороны, уйти из дома, но куда? Какой родственник меня приютит после такого позора?!

Жизнь без любви, которой я боялась, мгновенно стала чёрной дырой и засосала мою жизнь.

Муж был старше меня на девятнадцать лет. Мне тогда было пятнадцать. Любовь к жизни погасла, подобно печи, которой не хватает дров. Очень скоро постарела, так и не узнав о любви ничего. Более жестокого наказания я не могла представить.

Муж мой говорил, что не бывает женского счастья, его можно обрести только в раю, куда без согласия мужа попасть невозможно. Разве это справедливо?!

А однажды произошёл такой случай: узнав об измене, я не сдержалась и сказала, что он душевно болен и ему необходимо лечение. На следующий день он принёс справку от док-

тора, что он абсолютно здоров. Громко ругаясь, швырнул ее мне в лицо, зло толкнул, я упала на пол. Муж начал бить меня ремнём, а я держала обеими руками то голову, то живот. Пока язык шевелился, не переставала молиться Аллаху. В то время я носила двух мальчиков. Потом в долгих и тяжелых родах выжил только один.

– Сожалею, – сказала акушерка, – второй ребёнок мертворожденный.

Видя мои мучения, мужу стало жаль меня и, решив помочь, он принёс из колодца воды.

– Больше не помогай ей, – крикнула свекровь сыну. Потом она не разговаривала с ним несколько дней.

Свекровь говорила, что «замужество – это как сама жизнь: пришла, получила опыт, знание и ушла». Сейчас я с ней согласилась бы...

Знаешь, подруга, почему мы, женщины, во всяком случае, большинство из нас несчастливые? Потому что с детства нас учат не верить в счастье во взрослой жизни. И я искренне верила в то, что лишь после смерти можно обрести покой. И все же я всю жизнь ожидала радостных дней, которые так и не наступали.

В моем доме в подвале хранится мое прошлое. Часто спускаюсь вниз и рассматриваю все. Только вот не пойму одного, чем же меня тянет этот хлам. Как магнит. Может, все эти предметы не дают мне увидеть своё будущее? Снова и снова в куче никому не нужных вещей я нахожу своё несчастье.

Они напоминают мне о моей жалкой жизни, о многострадальной судьбе, о море пролитых слез.

Позавчера нашла платье, в котором была в день, когда муж меня жестоко избил.

Сейчас мне кажется, что если Аллах существует, то либо он не всемогущий, либо он не справедливый к нам, женщинам. Впрочем, нет! Судьба подарила мне огромное счастье материнства. У меня замечательный

сын, который очень любит и жалеет свою мать. Но живет он далеко от меня, в другой стране, и видимся мы редко.

Дорогая моя подруга! Быть может, прочитав мое письмо, ты усмехнёшься? Быть может, удивишься? Но у меня никого не осталось из родных, чтобы поделиться своими переживаниями. Вот и решила тебе писать.

Письмо от подруги.

Дорогая Азиза! Спасибо тебе за сердечное письмо. Жизнь надолго разлучила нас, и я мало что знала о тебе. А теперь будто встретились и можем, как когда-то в детстве, откровенно поговорить.

Как так получается, что самые близкие порой предают, а чужие неожиданно помогают. Как же так получается, что самые родные в один момент могут стать чужими и нередко врагами? Как можно стереть из памяти долгие годы совместной жизни? Как можно посягнуть на самое святое, на все то, что связывало вас неразрывной нитью под названием семья, жизнь? Мы, женщины, часто задаем себе вопрос: почему так

произошло? Что я сделала не так? Почему именно со мной? И самый главный вопрос: за что?

Каждая девушка мечтает жить той жизнью, за которую могла бы благодарить судьбу. Но в один миг радужные краски превращаются в тёмные, унылые тона. Самые близкие люди могут принести столько боли и разочарования, что жизнь лишается смысла. Стоит ли после этого жить с кем-то, отдавать самые прекрасные годы своей жизни, отдавать мечты, надежды, и самое главное – своё сердце. Каждый выбирает сам.

Но лишь отдав, можно понять потерял ты или приобрел. Понять цену предательства можно лишь столкнувшись с ним. Как это пережить? Женщина, которую предал любимый человек, конечно, чувствует себя раздавленной и опустошённой. Ярость и злость, переходящие в отчаяние и непонимание. Главный вопрос – стоит ли это прощать, и если стоит, то, как жить с этим дальше.

Оступаются все, и твой муж – не исключение. Наверное, каждой женщине необходимо понять, что предательство близкого ей мужчины не может ее унижить. Предательство унижает только того, кто позволил себе совершить этот страшный поступок. Мучить себя поиском ответа на вопрос: «простить или нет?» можно бесконечно, но суть от этого не меняется. Прими один важный совет: жизнь несправедливая.

Страх, который ты испытала, останется с тобой навсегда.

С другой стороны, человек, прощенный за предательство один раз, может сделать это опять. Надо помнить об этом, но можно прислушаться к себе и попытаться простить, и если ты чувствуешь в себе желание и силы начать жизнь с чистого листа, начни. Никогда не поздно. Только не надо пытаться искать оправдания и обманывать себя.

Просто надо жить. Тем более, если есть для кого.
До встречи.

Мартовская оттепель

Случается такое в наших московских условиях: после крепких февральских морозов вдруг повеет близкой весной. Дни тёплые, солнечные, и на душе тоже становится светло и радостно.

Я врач-психиатр. Наделён логическим мышлением. Никогда не решаю ничего, пока не нахожу доводов, непогрешимость которых подтверждало бы моё природное чутьё. По характеру я спокойный, уравновешенный – из тех, кого, как мне кажется, невозможно вывести из себя. В городской поликлинике, где я сейчас работаю, с персоналом и пациентами у меня сложились добрые отношения. Появилась и частная практика.

Моя жизнь была проста и однообразна. С утра до позднего вечера – череда пациентов с их душевными проблемами. А вечером, уставший, вернувшись домой, едва успев принять бокал красного сухого вина, не замечал, как наступа-

ло утро. А мне бы хотелось заводить новых друзей, искать новые знакомства и создавать себе и другим праздничную жизнь.

С некоторых пор я стал бояться одиночества. Оно переполняло меня страшной тоской, – по вечерам мне казалось, что я один на свете, чудовищно одинок, но окружён какими-то неопределёнными опасностями.

Само безмолвие стен пугало меня. Эта тишина комнаты, в которой я жил один, так глубока и печальна. Это не просто безмолвие, окружающее тело, – это безмолвие, окружающее душу, и при каждом потрескивании мебели я вздрагивал до глубины сердца, потому что в этом мрачном жилище не ждал никакого звука.

Сколько раз, напуганный, я начинал кричать, произносить слова, без связи, без смысла, только для того, чтобы произвести шум. Но тогда мой же голос казался мне таким странным, что я страшился и его. Говорить одному в пустом доме! Что может быть ужаснее?

Я понял, что мне нужен отдых, и уже через неделю оказался в Ялте, где светило солнце, синело море и цвела акация.

Жители больших мегаполисов понять не могут, что такое жизнь в маленьком городе на берегу моря. Они ни разу не слышали, как рыбак возвращается домой, рассказывая всем в мельчайших деталях о своём улове. Для них это что-то таинственное, странное.

Здесь можно ночью видеть то, чего в действительности

нет. Слышны шумы, которых не понимаешь, здесь тебя от неизвестности охватывает дрожь; так бывает, когда ночью гуляешь по берегу моря, и, как мне кажется, только в таких городах можно найти свою любовь.

Окна углового номера в моей гостиницы с одной стороны были обращены к морю, я любовался большим треугольником голубой воды, белые паруса кораблей плыли вдаль, и я молча смотрел за ними, пока они не исчезнут на горизонте. Дорога к морю шла по ущельям, затем выходила на

обширную береговую полосу, покрытую камнями. С другой стороны окна гостиной выходили на узкую улицу. Улица была шумная, многолюдная.

Утром, может, часов в одиннадцать, сам точно не помню, я сидел у окна в номере, допивал остывший кофе, окно было распахнуто, в моей голове не было ни единой мысли.

Вдруг увидел в доме напротив девушку – в розовом платье, очень милую. Я стал незаметно наблюдать за ней.

Вы даже представить не можете, до чего это было увлекательно. Иногда она уходила куда-то, будто нарочно, заставляя меня скучать по ней, потом возвращалась. Я стал восхищаться этой девушкой. Блондинка, глаза, напоминающие миндаль, полуоткрытый рот. Я просто представить себе не мог, как сила женской красоты может так воздействовать на человека на протяжении минуты.

Наконец, закрыв окно, она переделалась, взяла спортивную сумку и ушла.

Я быстро спустился за ней. Девушка шла по берегу вдоль небольшой бухты, где выстроены купальни.

Мы дошли до места, где не было никого: будто мир был неподвижен, казалось, он оцепенел под солнцем. Она разделась, но не вошла в море. В жизни я не видел удивительнее зрелища и красивей женщины. Она была яркая, высокая, идеального телосложения.

Девушка не замечала меня, а я, спрятавшись за выступом, любовался ей. Понежившись на утреннем солнце, она не торопясь ушла.

«Как бы с ней познакомиться?» – было первой моей мыслью, как только я проснулся поутру. Перед завтраком в поисках её я отправился в ту купальню, где мы вчера были. После я прошёлся несколько раз по узкой улице под её балконом – и издали заглядывал в окна...

«Однако надо же познакомиться, – думал я, беспорядочно расхаживая по улицам, – но как?». Я припоминал малейшие подробности милого видения, хоть и не был уверен до конца, что она меня заметила.

На следующий день я не отходил от окна. Моя незнакомка вышла на балкон и, увидев меня, улыбнулась. Я ответил ей тем же. Она вышла на улицу и я за ней. Я был полон решимости познакомиться с ней.

– Послушайте, – сказал я, – со мной уже несколько дней происходит странная вещь. Я вас раньше не видел, но я вас знал. Я впервые в этом городе, но мой внутренний голос го-

ворит, что я жил здесь и мы с вами были вместе.

– Да? – девушка удивлённо посмотрела на меня. – Но вы же не были со мной? И я вас не помню...

– Это уже не важно! – я осторожно взял её руку. – Расскажите мне о себе, хочу познакомиться с вами.

– Когда вы приехали сюда?

– Я тут уже третий день...

Я торопливо рассказал, кто я, что я и откуда. Моя незнакомка благосклонно выслушала меня, потом тихо и дружелюбно сказала:

– А я Марта.

– Какое прекрасное весеннее имя, – радостно воскликнул я, втайне удивившись тому, как всё красиво в этой девушке. Мне захотелось узнать о ней как можно больше. – Вы здесь живете? Одна? С семьёй? Работаете?

По нежному лицу Марты пробежала загадочная улыбка, огромные голубые глаза лукаво прищурились.

– Вот так сразу изложить все анкетные данные? Разве это интересно? Давайте узнавать друг друга постепенно...

Её слова и задушевный тон таили что-то неведомое для меня, глубоко волнующее.

В тот же вечер мы долго гуляли по берегу уснувшего моря. Идя рядом с ней с другой стороны, я ловил её руку, наконец поймал её и почувствовал пожатие. Это было невероятной радостью для меня. Рукожатие доставляет мне ощущение более полного, более глубокого и безусловного обладания,

чем непрерывные объятия целой ночи. А на прощание я ей сказал светским тоном: «Надеюсь, мы прощаемся ненадолго».

– В Ялте трудно не встретиться, к тому же мы с вами соседи, – сказала она улыбаясь.

Вот так мы и познакомились.

Моя «страсть» началась с того дня. Я помню, почувствовал тогда нечто подобное тому, что должен почувствовать человек, поступивший на службу: я уже перестал быть просто мужчиной, я был влюблённым. Мои страдания начались с того же самого дня. Я изнывал в отсутствие Марты. Ничего мне на ум не шло. Всё из рук валилось. Я целыми днями напряжённо думал о ней... Марта, конечно же, сразу догадалась, что я в неё влюбился по уши, да я и не думал скрывать. Она потешалась надо мной, шутила и мучила меня. Она стала единственным источником моей величайшей радости.

Мы оба были красивы, молоды и настолько хороши собой, что в ресторанах нас провожали взглядами.

Я, будучи родом с Кавказа, был красив по-южному. А у неё была скандинавская красота: белое лицо, великолепные, блестящие, золотистые волосы, мною обожаемые чувственные губы. Она давала их целовать, когда понимала, что я больше не в силах владеть собою, отстраняла меня и говорила: давай оставим на ночь.

Помню, как в первый раз поцеловал её губы, я чуть не задохнулся от счастья. Я боготворил её, а она дарила мне улыбки.

ку, которую я находил неотразимой. Улыбка была медленная, она возникала в её глазах и зримо спускалась к красиво очерченному рту, обнажая ровные белые зубы.

Милые отношения, сильная любовь. Мы любили, дружили и спали. Молодые, раскованные, честолюбивые. Всё время мы тратили на нашу любовь. Целыми днями гуляли, ели угощения, которые готовились на наших глазах, – свежие, горячие, сладкие, невыразимо вкусные. В баках с кипящим маслом плавали пышные облака белого теста, постепенно превращающиеся в пончики, дымились на мангалах шашлыки.

Я едва верил своему счастью. «Может быть, я сплю? – думал я. – Ведь только во сне с такой полнотой сбываются наши самые заветные мечты». В такие моменты я начинал ощущать вокруг себя всё: кресло, стену, диван, чашки, чтобы удостовериться, не брежу ли я.

В первый вечер, проведённый с ней, ложась спать, я, сам не знаю зачем, раза три повернулся на одной ноге, лёг и всю ночь спал как убитый. Под утро я проснулся и на мгновенье приподнял голову, посмотрел с восторгом на милое безмятежное лицо – и опять заснул. Первая ночь, звёзды, молодой месяц, загадочное небо, запах любимой женщины...

Марта обожала устраивать званые обеды. Принимая гостей, она была весела и радушна, к тому же в совершенстве владела искусством пустой болтовни, которая у них именовалась светской беседой. Она была незаменимой гостьей там,

где другим такая болтовня не давалась, неловкое молчание она умела сразу прервать разговором на какую-нибудь подходящую тему. Вот и сейчас сказала её находчивость: Марта всем представила меня дальним родственником, доктором, который, устав от московской суеты, на время переехал в Ялту. Мне не оставалось ничего, кроме как не возражать, боясь её огорчить. Мне важно было быть с ней рядом.

Марта не любила говорить о своей жизни, в этом смысле она была замкнутая. Всё, что мне было известно о её прошлом, о детстве, учёбе, вообще о её жизни до того, как я познакомился с ней, я узнал только потому, что сам расспрашивал. А её, как ни странно, это раздражало. И когда я, движимый естественным любопытством, принимался выпаливать один вопрос за другим, её ответы становились всё лаконичнее. У меня как психолога не хватило ума понять, что вызвано это желанием что-то утаить от меня. Ей тяжело было говорить о себе. Она стеснялась, конфузилась, просто не умела откровенничать.

– Вот уж, любопытный ты человек, – сказала Марта мне, – голова умная, глаза хитрющие... а как же калечишь русский язык! Сердиться на тебя невозможно. Никогда не унываешь. Вокруг все унывают, а ты веселишься как на празднике. Сердце у тебя русское и язык острый, прямо не поверю, что ты кавказец. Вот только акцент. Мне иногда думается, что ты говоришь так плохо нарочно, чтобы посмешить меня.

Я любил читать, но книги, которые я читал, казались ей ужасно скучными. Рассказы Чехова, Булгакова...

– Мне нравятся писатели, – как-то начала говорить она, – которых никто не издаёт, безвестные драматурги, чьи пьесы в лучшем случае раза три показал какой-нибудь авангардистский театр. Я не могу заставить себя читать Толстого или Мопассана. Я одеваюсь у лучшей портнихи города, но тотчас бросаю платье, даже самое любимое, как только узнаю, что у него появился двойник. Точно так же я обращаюсь со своими писателями и художниками: как только мои подруги начинают их признавать, я «уступаю» их им.

Очень скоро я снял на краю города отдельную квартиру, как хотела Марта, и она переехала ко мне. В квартире, куда мы вошли, мебель была расставлена с большим вкусом. Впрочем, в это мгновение я почти ничего заметить не мог: я двигался как во сне и ощущал во всём какое-то благополучие. Мы стали жить вместе, я был счастлив только от одной мысли об этом. Мне было хорошо, и я бы век не покинул эту квартиру, пока она была рядом.

Марта не разрешала мне заходить к ней в гости, на ту улицу, где я увидел её в окне, – говорила, что живёт с мамой, а та очень строгая и религиозная, век её не простит, если узнает, что она встречается с мужчиной другой веры. Какая вера? Я тут голову терял.

Несколько раз Марта покидала меня, извиняясь, что вынуждена уходить по неотложным делам. Возвращалась позд-

но, уставшая и молчаливая.

Как-то мы пошли в ресторан. К нам подошёл небольшого роста мужчина средних лет, худощавый, смуглый, с очень правильными, чёткими чертами лица. Глаза чёрные, но небольшие. Когда он подавал карту с меню, внимательно смотрел на Марту и как-то странно улыбнулся. Та внезапно вспыхнула и резко встала.

– Пойдём отсюда! Я не хочу, чтобы нас обслуживал этот нахал!

– А что ты так волнуешься? – ответил я. – Не захотели, пойдём в другой ресторан.

– Козёл... Если бы я сказала одно слово людям, которых знаю, ноги бы его здесь не было.

Говорила она ещё что-то гневное, но я этих слов не слышал. Моё сердце тревожно забилося.

Мы никуда не пошли, а вернулись в нашу маленькую уютную квартиру. Она бросилась на диван и потянулась за сигаретой. Затем, увидев записку, лежавшую на книге, поспешно развернула её. Записка была наспех написана карандашом. Не дочитав, она скомкала бумагу.

– Это мама, – глубоко вздохнула, – так и не научилась писать ручкой. Вчера получила от неё записку и забыла на прочь. – Она села, опустив лицо в ладони, будто обдумывала что-то серьёзное. Затем оделась и ушла, сказав, что идёт к маме. Я зашёл в комнату и, открыв окно, посмотрел на небо. Там повисли маленькие серые облака, словно кус-

ки ваты. Ветра не было, и облака, казалось, застыли на одном месте. У меня возникло чувство, что небо передаёт моё настроение. В ожидании Марты я не заметил, как уснул. Проснувшись, я увидел, что в комнате беспрестанно мелькают отсветы. Я приподнялся и глянул в окно. «Гроза», – подумал я, и точно, была гроза, но она проходила очень далеко, так что грома не было слышно; только на небе непрерывно вспыхивали неяркие, длинные, разветвлённые молнии: они не столько вспыхивали, сколько трепетали и подёргивались, как крыло умирающей птицы. Молнии не прекращались ни на мгновение; была, как это называется в народе, воробьиная ночь. Я глядел на часы, они показывали без

четверти час ночи, Марты всё ещё не было. Я вышел, решив отыскать её, где бы она ни была. Впервые я отправился к ней домой.

Мне долго не открывали дверь, потом будто неведомая рука открыла её. «Наверное, мама», – подумал я.

Я вошёл. Комната была голая, узкая, с высоким потолком, слабо освещённая. Стены выкрашены в терракотовые тона, светлый и тёмный. Всю обстановку составляли большая кровать, кресло-вертушка и туалетный столик с зеркалом. Как я смутно догадывался, никакой мамы здесь и не было.

Марта в одиночестве стояла лицом к окну. На ней было тёмное платье, которая я увидел впервые. Изогнулась благородная рука, белое запястье её указывало мне на кресло. Я сел.

– Марта... – позвал я её негромко.

Она повернулась ко мне, и я увидел, как блестят от слёз её глаза. Не выдержав, я вскочил с места, крепко обнял её за плечи и прижался к ней щекой. Я чувствовал, как моргают её мокрые ресницы. Мы долго стояли в молчании. Она смотрела в пустоту. А я боялся вздохнуть, пошевелиться.

Наконец я решительно повернул её лицом к себе.

– Я прошу тебя стать моей женой, – мой голос прозвучал глухо, нетвёрдо.

– Вот уж не ожидала, – сказала она, вытирая слёзы, и от удивления уставилась на меня во все глаза.

– Неужели ты не понимаешь, что я тебя люблю?

Мне показалось, что у неё сердце забилося чуть сильнее. Я был уверен, что ей очень часто признавались в любви, но никто ещё не делал ей предложения так неожиданно и в столь драматических интонациях.

– И полюбил с первого взгляда. Давно хотел признаться, но всё боялся.

Она усмехнулась:

– Дипломат из тебя, прямо скажем, неважный. Такого диковинного предложения мне ещё не делали. – Марта вздохнула со всхлипом. – Я никогда и не думала о нас в этом смысле, – сказала она жалобно. – Дай мне время подумать.

В её глазах была нежность, которой я раньше никогда не видел.

– Прости меня. Я такой бестолковый, что даже предложе-

ние не смог сделать как полагается... – ответил я. – Я люблю тебя больше всего на свете.

– Я тоже тебя люблю. Только дай мне время привыкнуть к тебе.

– Значит, согласна? – перебил я.

– Похоже, что ты ничего не понимаешь, – ответила она.

Лицо Марты тихо плыло передо мною во мраке; губы её всё так же загадочно улыбались, глаза глядели на меня немного сбоку, вопросительно, задумчиво и нежно... как в то мгновение, когда мы познакомились.

Вне себя от волнения, я подошёл к окну и торопливо закурил. За стёклами снизу бледно светили в свете месяца фонари и слышны были шаги запоздавших прохожих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.